

Однако Вань Цзюньи холодно уклонилась от её прикосновения и, что было для неё редкостью, пренебрегая всякими церемониями, обошла старуху и вошла в пещеру, оставив ту на пороге вместе с Ху в неловком молчании.

Лицо старухи исказилось от злости, и Ху поспешно опустил взгляд. Но когда она обернулась, на её лице уже снова красовалась натянутая улыбка.

Что творилось у неё за спиной, Вань Цзюньи не знала и знать не желала. Она быстро осмотрела пещеру и заметила лишь одну женщину постарше. Та была с проседью в волосах, лицо её нельзя было назвать дурным, но в чертах читалась холодность и расчётливость. Похоже, она была снежницей.

— Где мой дед? — спросила она, не желая вступать в долгие разговоры и пустые церемонии.

Женщина без всяких эмоций указала направление. Вань Цзюньи, кивнув в знак благодарности, направилась туда, лёгкой, неуловимой тенью скользнув мимо.

Едва лёгкая тень скрылась из виду, лицо старухи, которая так и не успела вымолвить ни слова, снова перекосилось, а в глазах зажегся злобный, мрачный огонёк...

Пещера была разделена на несколько каменных келий. В отличие от входа, комнаты внутри имели деревянные двери. Вань Цзюньи не понадобился меч Цинсюэ: она лишь слегка надавила на дверь, и та бесшумно поддалась.

Внутри её ударил в нос тяжёлый, спёртый запах плесени и нечистот. Она слегка сморщилась, но не от отвращения, а скорее от резкости вони. Затем обернулась и плотно прикрыла дверь, отрезав себя от любопытных взглядов снаружи.

В келье было темно — не было светоснежных камней. Она достала огниво. Слабый, дрожащий свет едва позволял различать очертания.

Она окинула взглядом комнату. Грязь, беспорядок, пустота. В углах — паутина, на полу — остатки еды и множество неопрятных пятен. Ни столов, ни стульев, ни полок — лишь куча заплесневелой соломы в углу, а на ней — неподвижная фигура старика.

Она подошла к соломенному ложу и без тени брезгливости присела рядом. Тёплый свет огнива упал на лицо старика — быть может, он хоть немного разгонит болезненную мглу?

Старик, лицо которого покрывали тёмные пятна, не открыл глаз. Лишь уголки его губ едва дрогнули, и изо рта, где оставалось лишь несколько жёлтых зубов, вырвалось слабое, хриплое дыхание.

— Шуан... про-прости... меня...

Голос был хриплым, словно эти несколько слов вытянули из него последние силы.

— За что ты просишь прощения? И почему только сейчас?.. — Вань Цзюньи опустила взгляд, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони.

Она была умна. Слова Ляо, обрывочные рассказы юнца по дороге и то, что она увидела здесь, сложились в ясную картину. Даже не зная всех деталей прошлого, она могла догадаться, что произошло. Вероятно, её мать росла с отцом, но была одинока, страдала от незаслуженной ненависти рода, а потом ещё и попала в злой мачехе...

— Шуан... прости... отца...

Дрожащий, прерывистый голос был полон мольбы и горького раскаяния.

Вань Цзюньи закрыла глаза. Горло сжалось, но она чётко и ясно произнесла:

— Я не мама. Не могу простить тебя вместо неё.

Но старик, казалось, не услышал. Он продолжал бормотать, словно заведённый: «Прости... прости отца...» — и это звучало невыразимо тоскливо.

Она открыла глаза. В зрачках отражался слабый, тёплый свет. Сердце её было переполнено — горечью, обидой, гневом. Остаться здесь больше не было сил. Но сердце дрогнуло, и она оставила лежащему на соломе немощному старику последние слова:

— Я помогу тебе избавиться от страданий.

Затем дверь тихо скрипнула, келья снова погрузилась во тьму, и на заплесневелую солому упало несколько капель...

Выйдя из кельи, она сразу же ощутила на себе три прилипчивых взгляда. Вань Цзюньи украдкой глубоко вдохнула, стараясь усмирить гнев, kloкотавший в груди. Злиться на кровного деда она не могла — даже если у неё и были к нему претензии, это было не её право.

Но то, как обращались с её дедом эти люди... Этого она так просто не отпустит.

Старуха, почувствовав неладное, сперва нахмурилась, но тут же вновь растянула губы в улыбке — улыбке холодной и фальшивой.

— Внучка, останься... поужинай с нами.

Не успели слова слететь с её губ, как в соседней келье послышался шорох...

Вань Цзюньи сузила глаза, крепче сжимая рукоять Цинсюэ.

Но вдруг громкий крик прорвался сквозь каменную дверь и ворвался в пещеру. Всего три слова:

— Девушка Цзюнь!

Она моргнула, взгляд её метнулся к двери, и на мгновение в спокойной глади её сердца пробежала лёгкая рябь.

— Девушка Цзюнь-ь-ь! — раздался новый крик, на сей раз сиплый и надрывный.

С первого же звука она узнала этот голос. Этот дурак явно надрывал глотку. Вань Цзюньи мысленно вздохнула, и гнев в груди поутих. Она вновь перевела взгляд на старуху и искренне, без тени насмешки, посоветовала:

— Советую вам поскорее открыть дверь. Иначе пеняйте на себя.

Испугается ли старуха таких угроз? Разумеется, нет! Она тут же фыркнула, собрав все морщины воедино, и уже собиралась рявкнуть: «Подавай!»

Но в этот миг раздался оглушительный грохот, и ударная волна едва не швырнула старуху на землю. Не успела она опомниться, как грохот повторился — на сей раз похожий на раскат грома, — и массивная каменная дверь, вырванная с корнем, врезалась в пол, взметнув облако пыли и щебня.

— Уф... кхе-кхе... кхе... — «Злобный демон», стоявший на пороге, зашмыгал носом и закашлялся, захлёбываясь пылью.

Вань Цзюньи слегка нахмурилась, обошла троицу и направилась к дурочке у входа.

А те, кто мнил себя её роднёй, могли лишь покорно наблюдать, как она проходит мимо, понимая, что их кости не так крепки, как каменная дверь...

— Кхе-кхе... Девушка Цзюнь-юнь! — Ли Чжао, только что надрывавшаяся от кашля, увидев ту, о ком грезил, засияла, будто солнце. Кашель как рукой сняло, и она нежно, с любовью выдохнула её имя. Голос был хриплым, но переполненным радостью. На её лице расцвела улыбка тёплая, как весеннее солнце, а щёки пылали румянцем.

От этого ласкового зова на спокойной глади сердца вновь пробежала рябь. Но Вань Цзюньи опустила взгляд, и лицо её не только не смягчилось, а, напротив, стало ещё холоднее и отстранённее. Когда она наконец подняла глаза, в них стоял такой лёд, что сияющая улыбка Ли Чжао на мгновение померкла, уступив место растерянной грусти.

Но лишь на мгновение. Ли Чжао снова улыбнулась, и взгляд её стал бесконечно мягким и тёплым.

Вань Цзюньи не выдержала и отвела глаза. Алые губы приоткрылись, и она тихо произнесла:

— Пойдём.

— Хорошо-о! — Ли Чжао, глупо ухмыльнувшись, вложила меч Тунлун в ножны и покорно засеменила следом за Девой Цзюнь...

— Бум.

Раздался глухой удар. Вань Цзюньи резко обернулась.

Ли Чжао лежала лицом в снегу и не двигалась.

Сердце её на мгновение остановилось. Застыв на несколько ударов, она наконец рванула с места, едва не споткнувшись, и бросилась к ней. Руки её дрожали, когда она протянула их...

Лишь нащупав пульс на запястье Ли Чжао, ощутив под кожей жар и ровные, сильные удары, она смогла выдохнуть. И вместе с выдохом из неё ушли силы, и тело на мгновение обмякло.

Опираясь ладонью о холодный снег, она с трудом поднялась. Усталость навалилась такая, что и самой хотелось рухнуть рядом. Но она помнила — они всё ещё у порога этого дома, и на них всё ещё смотрят жадные глаза. И в ушах уже послышался лёгкий, крадущийся шорох шагов.

Бросив быстрый взгляд, она увидела, что те трое уже подобрались к дверному проёму, и на их лицах играли какие-то странные, жадные ухмылки.

Однако...

— Сестрица! — Голос Чжоу Сюаня донёлся издалека, а с ним — и характерный скрип снега под несколькими парами ног.

Трое тут же, как тараканы, шмыгнули обратно в пещеру.

Уголок губ Вань Цзюньи дрогнул в лёгкой, едва заметной улыбке. Опираясь на Цинсюэ, она медленно поднялась во весь рост. Взгляд её невольно упал на Ли Чжао. Она на миг задумалась, затем вложила меч в ножны, осторожно подняла бесчувственную подругу на спину и неторопливо направилась к Чжоу Сюаню и нескольким жрецам, ожидавшим её поодаль...

<http://bllate.org/book/16264/1464090>